

Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. Александр Невский: эпоха и память: исторические очерки. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. — 240 с.

Актуальность данного исследования несомненна уже в свете споров, обострившихся в постперестроечное время вокруг личности Александра Невского и его роли в отечественной истории. Споров, в которых по нашей обычной русской запальчивости Александр награждался эпитетами от «изменника» до «великого» и «святого», каковым, впрочем, русская православная церковь давно уже признала нашего замечательного соотечественника.

Книга могла быть сдана в издательство в то время, когда осенью 2008 г. в телепрограмме «Имя России» на государственном канале Александр Невский по рейтингу в режиме СМС-голосования опередил всех своих конкурентов и стал, таким образом, «главным героем России» (в соседней Украине им стал Ярослав Мудрый). Можно рассуждать о серьезности и уместности такого рейтинга, явной политической ангажированности проекта, но показательно, что в сознании значительного числа россиян Александр Невский являет собой образец идеального героя.

Специфика этих очерков определяется, как минимум, двумя обстоятельствами. Первое связано с тем, что данное издание осуществлено в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Александр Невский — святой покровитель Санкт-Петербурга от Петра Великого до современности». Авторы справедливо возвращают древнерусской истории насыщенный религиозный контекст, утраченный в годы насаждения атеизма в СССР. Не случайно «Житие Александра Невского» обширно цитируется наряду с известными летописями, причем упоминаемые в «Житии» чудесные превращения просто констатируются без какой-либо критической оценки. На сцене общественной жизни наряду с князьями появляются деятельные и влиятельные митрополиты, архиепископы, архимандриты и игумены. Ю. В. Кривошеев и Р. А. Соколов убедительно показывают, что организация древнерусского общества с неизбежностью втягивала высокопоставленных священнослужителей в перипетии не только общественной, но и политической жизни. Поэтому вольнолюбивые новгородцы не только изгоняют — призывают князей, но и сводят с престола своих архиепископов. Священнослужители участвуют в политических переговорах, колесят по Руси и даже совершают дипломатические вояжи в Рим и Сарай-Бату.

Вторая особенность очерков Ю. В. Кривошеева и Р. А. Соколова заключается в новом взгляде на социальные статус и роль князя в период феодальной раздробленности. Ученые полагают сомнительным представление о том, что «княжеские усобицы» в буквальном их понимании являли собой «споры за власть беспокойных потомков Рюрика» (с. 11). Древнерусские города «вовсе не были такими маленькими монархиями, в которых князь обладал абсолютной властью» (Там же). Авторы показывают, что действенная вечевая система существовала повсеместно, а не только в Новгороде. Изгнание князя городским обществом было обычным явлением. Малочисленная княжеская дружина в воору-

женных конфликтах ощутимо зависела от поддержки народного ополчения, которое напрямую не подчинялось князю. Инициатива в развязывании конфликтов между княжествами далеко не всегда проявлялась самими князьями. Благоклонность населения к конкретному князю подчас оказывалась едва ли не решающим фактором для отправки его на княжение. Когда на авансцене истории располагаются не только князья — «вершители судеб», но и священники, привилегированные городские слои, простой народ, такая история становится более полной, убедительной и живой.

Стиль изложения очерков напоминает хороший детектив. Дефицит письменных источников вынуждает историков, особенно специалистов по Древней Руси, реконструировать прошлое буквально по крупицам, как бы «собирать улики» и «вести следствие». Поэтому возрастает роль толкователя, интерпретатора. Ю.В. Кривошеев и Р.А. Соколов демонстрируют свои герменевтические способности «вчувствования» (термин В. Дильтея. — А.Я.) в материал. Археографические, топонимические «косвенные улики» убеждают в широте и детальности проведенного исследования.

На первый взгляд, книга перенасыщена длинными цитатами из летописей, житий святых, шведских саг и хроник, других источников. Авторы очерков показывают, что предложенная ими модель изложения оптимальна: она позволяет как удержать интерес читателя к содержанию, так и развернуть научную критику источника. Сначала авторы знакомят читателя с обширными текстами и как бы подталкивают его к выводам и умозаключениям, затем приводят интерпретации текста и аргументацию профессиональных историков, в том числе самих Ю.В. Кривошеева и Р.А. Соколова.

Книга щедро наполнена научной полемикой. Например, читатель узнает о разбросе мнений вокруг Ледового побоища: его масштабы и значение, состав и количество участников, число погибших с обеих сторон, роль «низовых» владимирских полков и младшего брата Александра Андрея Ярославовича в этом сражении. По мнению авторов очерков, Невское и Ледовое сражения принесли Александру Ярославовичу славу, но «оттеснили на задний план истории вехи его военной деятельности в последующий период» (с. 94). Они детально прослеживают дальнейшие дипломатические и военные усилия своего героя, направленные как на предотвращение немецко-шведской угрозы, так и на расширение русского влияния на финно-угорские племена.

В целом авторов можно отнести к сторонникам политики Александра Невского, при этом они далеки от апологетики. Например, показаны не всегда бесконфликтные отношения Александра Ярославовича с жителями Новгорода. По поводу ряда поступков князя историки не приходят к однозначному мнению.

Оценивая нашествие Батыя на Русь как трагедию, Ю.В. Кривошеев и Р.А. Соколов полагают, что «нет оснований и преувеличивать последствия ее» (с. 117). Они показывают, что уже в 1238 г. Рюриковичи снова рассаживаются по городам, а в 1239 г. освящается новая церковь в Кидекше. Ученые пишут: «Таким образом, возвращение к "структурам повседневности" происходит довольно скоро. Это же относится и к во-

енному делу, о чем свидетельствует дальний поход Ярослава к Смоленску, состоявшийся в 1239 г.» (с. 118).

Ю.В. Кривошеев и Р.А. Соколов аргументировано опровергли утверждение советской историографии, что причиной народного восстания в Новгороде в 1259 г. стала чрезмерность налогового обложения монголами бедного населения. Они показали, что как до, так и после этого события монголы применяли стандартную налоговую практику, когда именно зажиточные слои населения становились главным объектом налогообложения. Историки высказали интересное предположение (точнее — аргументировали догадку Н.Д. Чечулина и Н.А. Клепинина), что восстание новгородской черни против переписи 1259 г. можно объяснить архаическим, пралогическим мышлением, предрассудком (как тут не вспомнить подобный страх многих россиян в наше время при присвоении ИНН). В изображении Ю.В. Кривошеева и Р.А. Соколова Александр Невский если и не являлся прямым инициатором восстания, то, по крайней мере, сочувствовал ему. (с. 141 — 154). А странное отсутствие монгольского карательного похода после восстания авторы объясняют поездкой в 1263 г. Александра Ярославовича в Орду, в результате которой ему удалось отомстить новгородцев.

Данные очерки посвящены Александру Максимовичу Сушко, писателю, краеведу, со сложной, местами трагической биографией, ушедшему из жизни в ноябре 2006 г. В качестве приложения к очеркам помещены художественные рассказы и публицистические статьи А.М. Сушко, посвященные как самому Александру Невскому, так и Усть-Ижоре, месту, где произошла Невская битва. Выразим надежду, что книга Ю.В. Кривошеева и Р.А. Соколова «Александр Невский: эпоха и память: исторические очерки» окажется востребованной широким кругом читателей и доставит им такое же удовольствие, как и автору этих строк.

А.А. Ярцев,

*д-р ист. наук, проф. кафедры философии, истории и социальных наук
Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота*